

Сытина Ю. Н. О неожиданных гранях образов чиновников у Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского / Ю. Н. Сытина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 231—243. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243.

Sytina, Yu. N. (2021). Unexpected Facets of Images of Officials by N. V. Gogol and V. F. Odoevsky. *Nauchnyi dialog*, 2: 231-243. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243. (In Russ.).

УДК 821.161.1Гоголь.07+821.161.1Одоевский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243

О НЕОЖИДАННЫХ ГРАНЯХ ОБРАЗОВ ЧИНОВНИКОВ У Н. В. ГОГОЛЯ И В. Ф. ОДОЕВСКОГО¹

© Сытина Юлия Николаевна (2021), orcid.org/0000-0001-6334-4722, ResearcherID F-1769-2019, кандидат филологических наук, доцент, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Государственный государственный областной университет (Москва, Россия), yulyasytina@yandex.ru.

Рассматриваются вопросы о многогранности образов чиновников в русской литературе 1830—1840-х годов. Представлены результаты сопоставительного анализа творчества Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского. Особое внимание уделяется Поприщину из «Записок сумасшедшего» и приказному Севастьянычу из «Сказки о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем». Автор заостряет внимание на том, что герои выходят за рамки поведенческой модели, как будто бы приписываемой им их социальной ролью. Показано, что поэзия не исчезает из их существования, чиновники оказываются способны к творчеству и созданию собственных произведений. Доказывается несводимость образов чиновников только к иллюстрации социальной действительности, подчеркивается стремление к их индивидуализации, прорисовке богатого внутреннего мира. Новизна исследования видится в том, что раскрываются неожиданные грани образов чиновников у Гоголя и Одоевского в их взаимосвязи. Показана общность мировоззрений писателей, а также сходство их поэтики, проявляющееся, в частности, в том, что в художественном мире произведений о чиновниках важное место занимает фантастика.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь; В. Ф. Одоевский; образ чиновника; творчество; фантастика; интерпретации; литературные переключки.

1. К вопросу о многогранности образа чиновника в литературе николаевской эпохи

Образы чиновников, созданные Н. В. Гоголем, продолжают будоражить воображение читателей и исследователей, побуждая выдвигать все новые их интерпретации, выявлять неожиданные грани, как связанной с социальной (на первый взгляд, важнейшей) подоплекой образов, так и нет [Бочаров, 1985; Виноградов, 2018; Иваницкий, 2010; Кривонос, 2015;

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00064).

Манн, 1996; Маркович, 1989; Матонин и др., 2018]. Чиновникам из художественного мира В. Ф. Одоевского везет куда меньше, хотя и они устаиваются внимания время от времени [Сакулин, 1913, с. 28—29, 153—168; Турьян, 1997; Сытина, 2019, с. 182—216], также оказываясь по-своему незаурядными. Чем же так необычны чиновники Гоголя и Одоевского, до того — Пушкина, а после — Достоевского (о сложности образов у двух последних писателей см.: [Есаулов, 2012; Есаулов и др., 2020])?

Размышляя над «чиновничьей» темой в литературе 1840-х годов, С. Г. Бочаров приводит слова С. П. Шевырева: литература «признала человечество в чиновнике — и с тем вместе решила, что весь русский народ должен пройти через это горнило очеловечивания...». Бочаров полностью солидаризируется с этим высказыванием и продолжает его так: «<...> чиновничья тема оказалась горнилом опыта литературы о человеке куда более широкого и всеобщего. Петербургский чиновник николаевской эпохи явился исторической формой критического испытания человеческой природы, как таковой. На короткое время чиновничья колея сделалась магистральным путем русской художественной антропологии, на вершинах прошедшим от Пушкина через Гоголя к Достоевскому» [Бочаров, 1985, с. 140]. Важным в этой линии будет и имя Одоевского, внесшего свой вклад в разработку целого ряда образов, тем и мотивов, появляющихся и у других русских писателей [Назирова, 2017; Сытина, 2021].

2. Поэтические грезы приказного Севастьяныча из «Сказки о мертвом теле...» Одоевского: «неумолкаемые гусли, да и только!»

Комментируя «Записки сумасшедшего» в собраниях сочинений, исследователи неизменно упоминают имя Одоевского [Бочаров и др., 2009, с. 477, 502, 547—548, 554—555, 634—636 и др.], в частности, его замысел «Дома Сумасшедших» [Комарович, 1938, с. 701], актуализируя тем самым связь образа Поприщина с романтической традицией, в том числе при изображении склонных к помешательству поэтических натур. Однако в гипотетический «Дом Сумасшедших» Одоевского можно было бы поместить не только его «гениальных безумцев», но и ничем на первый взгляд не примечательных чиновников. Некоторые из них при ближайшем рассмотрении оказываются не столь уж «прозаичны» и сами претендуют на «родство» с традицией живописания художников (в широком романтическом смысле). Например, герой драматического отрывка «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия» — падший дух, облекшийся в брентную оболочку тела чиновника средней руки (см. подробнее о многогранности этого образа: [Сытина, 2021]); безмянный статский советник из «Бригадира», воз-

буждавший поначалу «зависть» рассказчика полным своим равнодушием ко всему окружающему, как окажется после его смерти, заключал в себе живую душу, теперь мучительно осознающую свою вину за загубленную жизнь и зарытые в землю таланты; расчетливый и лицемерный Василий Кузьмич из «Живого мертвеца» еще при жизни оказался способным на вещие сны с пробуждением совести вследствие чтения «фантастической сказки» [Одоевский, 2007, с. 442].

Богатым — или чудаковатым — воображением обладает большинство героев Одоевского, который вообще был склонен полагать ту или иную степень сумасшествия свойством каждого человека. В. Г. Белинский так писал В. П. Боткину об этом убеждении князя: «Добрый Одоевский раз не шутя уверял меня, что нет черты, отделяющей сумасшествие от нормального состояния ума, и что ни в одном человеке нельзя быть уверенным, что он не сумасшедший» [Белинский, 1956, с. 332]. Примером тому может служить и один из первых чиновников в творчестве Одоевского — приказный Севастьяныч из «Сказки о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» (1833), вошедшей в состав «Пестрых сказок», которые писались как раз в период тесной дружбы Одоевского с Гоголем. По замечанию В. М. Марковича, «“Пестрые сказки” часто сближали с петербургскими повестями» [Маркович, 1989, с. 16], прежде всего по характеру фантастики, построенной на «внезапных взаимопереходах реально-бытового и сверхъестественного» [Там же]. «Записки сумасшедшего» Гоголя и «сказка» Одоевского схожи по своему жанру: в обоих случаях перед нами небольшие прозаические произведения, фантастические события которых могут быть объяснены рационально (или *почти* объяснены — к этому вопросу мы еще вернемся) расстройством психики героя. Поприщин сходит с ума, а Севастьяныч выпивает штоф «домашней желудочной настойки» [Одоевский, 2007, с. 589]. Причем Одоевский эпиграфом к сказке отсылает читателей к гоголевской фантастике — к «Вечерам на хуторе»: «Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех» [Там же, с. 588]. Но читатели-то помнят, что месяц, украденный инфернальным поклонником Солохи, и впрямь «танцевал на небе», так что напрасно не верили обыватели волостному писарю. В сказке Одоевского созерцателем и участником фантастических событий будет тоже своего рода «волостной писарь» — «губернский регистратор» [Там же, с. 592] приказный Севастьяныч. Надо заметить, и чин ему Одоевский выдумает «фантастический». Севастьяныч занимает должность хотя и не столь привлекательную, но близкую той,

о которой в начале «Записок» не без зависти размышляет Поприщин — место губернского чиновника, который носит «гадкой» «франчишка» [Голь, 2009, с. 205], но зато имеет свой домик.

Севастьяныч, в отличие от Поприщина, совершенно доволен своей жизнью. Однако и он перерастает роль приказного, погружаясь в сладкие поэтические грезы. Этот «губернский регистратор» изначально не просто переписчик, но составитель различных бумаг, в том числе, возможно, и объявления, данного в начале «сказки», в котором весьма причудливо говорится, что найдено мертвое тело и «объявляется: не окажется ли оному телу бывших родственников или владельца онога тела; таковые благоволили бы уведомить от себя в село Морковкино-Наташино тож, где и следствие об оном, неизвестно кому принадлежащем теле производится; а если таковых не найдется, то и о том благоволили б уведомить в оное же село Морковкино» [Одоевский, 2007, с. 589].

Странность объявления ни у кого не вызывает недоумения, однако вполне соответствующей ему просьбе «владельца» мертвого тела Цверлея-Джона-Луи («иностранный недоросля из дворян Савелия Жалуева» [Там же, с. 594—595] — в передаче Севастьяныча) никто, кроме приказного, не поверит. Появление призрачного «владельца» тела готовится грезами и самолюбивыми мечтами Севастьяныча, которые питает и употребляемый им штоф. Оказывается, что приказный — потомственный хранитель ключей от законов в Реженском уезде, которые толкуются согласно доставшейся Севастьянычу по наследству от батюшки «старой замасленной тетрадке» [Там же, с. 589] — этой, как называет ее автор, Сивиллиной книге, особенность которой состоит в изменчивости некоторых начертанных «незначущих частиц, как-то: *не, а* (курсив автора. — Ю. С.), и проч.» [Там же, с. 590]. Как и покойный батюшка, Севастьяныч подходит к написанному в тетрадке «творчески». Размышляя о своих талантах, которые свидетельствуют и о поэтической стороне его натуры (хоть поэтической и на «приказческо»-народный лад), герой чем далее, тем более погружается в сладкие грезы: «Тут пришло Севастьянычу в голову, что он не только что в приказе, но хват на все руки: как заслушиваются его, когда он под вечерок, в веселый час, примется рассказывать о Бове Королевиче, о похождениях Ваньки Каина, о путешествии купца Коробейникова в Иерусалим, — немолкаемые гусли, да и только!» [Там же, с. 592]. Резко прерывает эти сладостные грезы (или же служит своего рода их продолжением?) появление «владельца» мертвого тела. Во время этой загадочной встречи Севастьяныч и создаст своего рода шедевр, который затем будет пользоваться успехом многочисленных читателей: «...мертвецова просьба стала

ходить по рукам; везде ее списывали, дополняли, украшали, читали, и долго реженские старушки крестились от ужаса, ее слушая» [Там же, с. 598]. Так сквозь «духовную нищету жизни» [Сакулин, 1913, с. 26], людскую пошлость и ограниченность проступает живущее в человеке «иррациональное, “инстинктуальное” начало»: «Душа творит легенды жизни. Это так свойственно натуре человека и так необходимо ему» [Там же, с. 29].

3. «Я не стану переписывать гадких бумаг ваших!»: бунт Поприщина против поприща

Еще более многочисленных, хотя уже за рамками текста, читателей обретает и «творение» Поприщина — его «Записки сумасшедшего». В начале повествования герой Гоголя предстает перед нами как переписчик, очинитель перьев, которого никто ни во что не ставит, даже, как оказывается, собачонки. «Записки» отражают бунт Поприщина против низведения его *личности* до *поприща* — до «титularного советника». Такое «овнешнение» [Бахтин, 2002, с. 68], расчеловечивание сопровождается развивающейся — как знать, не в качестве ли «защитной реакции»? — манией величия. Она сочетается с бунтом против рутины — против переписывания: «я не стану переписывать гадких бумаг ваших» [Гоголь, 2009, с. 217]. Герой изначально жаждет вырваться из повседневности — характерно первое же предложение «Записок»: «Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение» [Там же, с. 205]. До того приключений не было — не было и записок. Почему приключение случилось только теперь? Не случилось ли оно «по воле» самого Поприщина, решившего придумать его, да так потом в него уверовавшего, как порою верят в свои выдумки дети (недаром в конце герой превратится в ребенка — бедного мальчика, взывающего к защите своей магушки)?

Вопрос о том, можно ли фантастику «Записок сумасшедшего» свести исключительно к умопомешательству героя, вызывал и вызывает споры. Интересные размышления *pro et contra* предлагает Ю. В. Манн, в конце концов не исключаяющий «возможность двойного прочтения» [Манн, 1996, с. 63] повести — как «фантастической», так и «реалистической». К правильности исключительно первого варианта прочтения склоняется, например, В. Ш. Кривонос, полагая, что переписка собачек — это неотъемлемая часть «гротескной реальности» повести [Кривонос, 2015, с. 46]. А. И. Иваницкий, напротив, убежденно пишет о безумии Поприщина, всецело рассматривая переписку собачек как плод расстроенного воображения героя [Иваницкий, 2010].

В последнем случае — если быть до конца педантичными — мы можем или предположить, что «великий канцлер» вкупе с делегацией и про-

чим — такая же выдумка большого воображения Поприщина, как и переписка собачек (мысль о том, что его могли упечь в сумасшедший дом, появляется у героя еще до действительного события, хотя относится к прежней его жизни — как титулярного советника: «Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. <...> Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом» [Гоголь, 2009, с. 217]), иначе (о чем резонно замечают противники «реалистического» прочтения) как же он мог бы продолжать писать в сумасшедшем доме? Другая возможность — признать, что повесть Гоголя «фантастична» в той мере, в какой будет фантастична «Кроткая» Достоевского, — условностью своей формы, но не более того.

Во всяком случае, или подавленный обыденностью герой сам придумывает себе приключение, не в силах больше выносить серость жизни и переписку «проклятых бумаг», или некие тайные силы (милосердные или напротив?) решают вторгнуться в его существование.

Изначально Поприщина много размышляет о *поприщах*, и хотя весьма небрежно пишет про собственное («Я не понимаю выгод служить в Департаменте» [Гоголь, 2009, с. 205]), но почти сразу становится понятно, что выбора-то у него нет. Как, скорее всего, нет и другой шинели, кроме запачканной и «старого фасона», и не появится, сколько ни размышляй он о моде. У Поприщина еще нет непосредственно «слова с оглядкой» [Бахтин, 2002, с. 219] в том выраженном виде, в каком оно появится в письмах Макара Девушкина. Но ведь герой Достоевского был неизмеримо богаче гоголевского — у него был адресат, Поприщин же замкнут только на самом себе. Не отсюда ли и подспудно ощущаемая недоговоренность его слова? Герой жаждет выйти за рамки своего скучного одинокого существования, и таким выходом становится для него писание, сотворение своего собственного мира. Вопрос о слоге занимает Поприщина неизменно — он с удовольствием замечает, что курские помещики хорошо пишут, утверждает, что грамотно может писать только дворянин, размышляет о слоге собачьих писем, о «стишках», приписываемых им Пушкину, о театральных куплетах и о задачах цензуры... С вопросов о слоге он перейдет к геополитическим проблемам, и тогда уже мир преобразится для него в некий текст, который он по собственному своему усмотрению попытается «переписать».

В раздумьях о статьях из «Северной пчель» и о делах политических угадываются одиночество и беспомощность героя, но и нежелание их признавать, стремление отгородиться, утвердиться с помощью собственного мнения — пусть, кроме бумаги, его пока и некому выслушать. Герой будто бы старается раздуться, дабы скрыть внутреннюю свою пустоту — скрыть ее

от самого себя. Поприщину, при внешней заурядности, присуще внутреннее стремление к уникальности: например, герой с некоторым удивлением, но и самодовольством признается, что он с «недавнего времени» стал «слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал» [Гоголь, 2009, с. 207]; оказываясь возле дома Зверкова, населенного множеством кухарок, поляков, «чиновников, как собак» (подавляющим множеством, подобным бездушной «машине», против которой взбунтуется потом подпольный парадоксалист Достоевского), герой тут же отшатывается от этого «легиона», цепляясь за пусть и эфемерную, но все же единичность: «Там есть у меня *один* (курсив наш. — Ю. С.) приятель, который хорошо играет на трубе» [Гоголь, 2009, с. 207]. «Играет на трубе» — то есть не выполняет лишь функцию в огромном механизме, но предается «вольному искусству».

Не принятый среди людей, или же добровольно от них отгородившийся (если говорить о чиновной братии, равной герою по социальному статусу), Поприщин выдумывает для себя общество собак, там он — действующее лицо, похититель; они его *замечают*, в отличие от большинства двуногих. Но, увы, и в «собачьем» мире Поприщин не может до конца обмануть себя и «даже в воображении не в силах забыть о том, кто и каков он на самом деле, и заглушить свой правдивый внутренний голос» [Иваницкий, 2010, с. 178].

Есть разные точки зрения на то, что сводит с ума бедного героя: рождающееся вследствие глубокой подавленности своей «приниженностью» «стремление стать “анти-собой”, чтобы унизить себя нынешнего» [Лотман, 1988, с. 304]; «глубоко раздвоенная самооценка» [Иваницкий, 2010, с. 176]; любовь к генеральской дочери [Маркович, 1989, с. 76]. Но так ли важна здесь конкретная причина? Множество факторов влияет на то, что «от долговременного борения расшаталось здание души его» [Одоевский, 2007, с. 177], как скажет уже Одоевский о герое «Импровизатора», также помешавшегося, но уже при явном содействии сверхъестественных сил.

В «Записках» мы наблюдаем за постепенной смертью Поприщина как человека *поприща*. Преодолеть свой социальный статус, условно говоря, «маленького человека» и стать Гишпанским королем герою не дано. Но вот бросить очинку перьев и переписывание, став сочинителем, у него получилось. Вырываясь из рутины переписывания чужих бездушных бумаг и канцелярской мерки жизни, в конце концов, через страдание, ощущая, как «больно бьется проклятая палка», Поприщин воскресает как личность, оказывается способным вначале к состраданию (его безумие отдает и «мировой скорбью» за судьбу луны и человеческих носов) к высокой трагической поэзии, прорывается в финале сквозь замкнутые улицы столицы на простор полей, моря, в быстрый вихорь скачки — как чуть позже вырвется

из повседневности Русь-тройка в финале «Мертвых душ». И если в «Записках сумасшедшего» читатель будет сброшен на землю последней фразой Поприщина, то в «Мертвых душах» птица-тройка сумеет пасхально преобразиться [Есаулов, 2020] и растворится в небесной выси.

4. Важнейшая грань образа: чиновник как художник

Хотя не любивший чиновников (ни в литературе, ни в жизни) Тургенев и полагал несколько сварливо, что «все на свете чиновники друг на друга похожи» [Тургенев, 1982, с. 382], у Гоголя и Одоевского (а затем и у Достоевского) оказывается совсем иначе. В их чиновниках мерцает образ художника, утратившего до поры связь с вдохновением, задавленного или замороженного прозой жизни. Но на подсознательном уровне он помнит о прошлой свободе и радости творчества и не может смириться с тесными рамками рационально-официозного бытия, не может принять «односторонней и хмурой официальной серьезности» [Бахтин, 2002, с. 180]. Однако бунт, порождаемый этим несоответствием, оказывается губительным, ведет к смерти или к безумию. В «Сказке о мертвом теле...» Одоевского нет столь зловещих контрастов, но они появятся, например, в образе экономиста из «Русских ночей» — и в «написанных» им новеллах («Бригадир», «Бал», «Мститель», «Насмешка мертвеца», «Последнее самоубийство», «Цецилия»). Все его творчество служит иллюстрацией слов Фауста из «Русских ночей»: «как ни вертись, от души не отвертись» [Одоевский, 2007, с. 59]. Возможность пробуждения закосневшей души (пусть и, по-видимому, временного) — сюжет «Живого мертвеца» Одоевского, где вновь появляется «мертвое тело», но его «владелец» расстается с ним уже не добровольно и не ради удобства (как в «Сказке о мертвом теле...»), но после внезапной смерти. «Умерев», он получает возможность свободно путешествовать по свету, и всюду в глаза и в уши (а за неимением рук и век он их закрыть не может!) ему бросаются брань и проклятья по его адресу, или картины бедствий человеческих, причиной которых — его былые темные дела или пороки. Только на своей могилке сможет Василий Кузьмич находить пусть временное и эфемерное, но все же облегчение, хотя и там должен созерцать, как червяк ползет по лицу его мертвого тела. Но фантастический полет этот пока не закончится Судом над героем (которого он сам возжаждет под конец) — он оборвется вместе со сном, а затем — наяву — последуют проклятия уже самого Василия Кузьмича в адрес «сказочников», которые «всю подноготную из земли вырывают»: «Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже! читаешь и невольно задумываешься — а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретить им писать, так-таки просто вовсе бы запретить...» [Одоевский, 2007, с. 442].

Эти инвективы героя по адресу, в числе прочих, собственного его автора, хорошо известны благодаря Достоевскому, поскольку именно их он возьмет в качестве эпиграфа к первому своему роману. Уже его герой — Макар Девушкин — также займется чтением, но не Одоевского, а Гоголя, и тоже взбунтуется — но уже совсем по иному поводу — против литературной «сказки», которую воспримет как личное оскорбление, а то и как приговор. Но и у самого Гоголя уже появляется бунт против подобного воззрения на человека — в образе Поприщина, которому удастся-таки, пусть и ценой сумасшествия, прорваться сквозь гнетущую и подавляющую серость «хмурой официальной серьезности» и мертвенности души при живом теле на простор звенящей в тумане струны.

5. Заключение

Как было замечено уже современниками, герой-чиновник в русской литературе 1840-х годов далеко выходит за рамки своей социальной ниши, разрастаясь чуть ли не до «всечеловека». Этот «выход» начался уже в 1830-е годы, в частности, в произведениях Одоевского, чиновники которого состоят в пусть дальнем, но кровном родстве с его же «гениальными безумцами». Родственны они оказываются и чиновникам Гоголя, которые также выступают отнюдь не простой иллюстрацией социальной действительности России времен Николая I — времени, когда чиновный аппарат стал играть особую роль в государстве. За внешней механистичностью и пошлостью жизни писатели стремятся разглядеть богатство внутреннего мира конкретного человека, представить его не только, да и не столько как некий обобщенный социальный *тип*, сколько как *личность*, неповторимость и внутренняя свобода которой проявляется в стремлении к творчеству.

Герои-чиновники произведений Одоевского сознательно не стремятся вырваться из повседневности «хмурой официальной серьезности», вполне приспособившись к ней. Зачастую они даже, напротив, как экономист в «Русских ночах» или Аристов из «Живого мертвеца», пытаются умертвить в себе поэтическое начало. Но писатель был убежден, что в каждом человеке живет некое «инстинктуальное» чувство, не дающее душе полностью отрешиться от поэзии бытия. Поэтому и герои его — вольно или невольно — ощущают в себе потребность в творчестве, и даже необразованный, закосневший в весьма неблагоприятной роли провинциального чиновника-взяточника приказный Севастьяныч оказывается способным и к поэтическим грезам, и к созданию фантастического «сочинения».

В «Записках сумасшедшего» Гоголя герой ведет себя принципиально иначе: перед читателем разворачивается бунт титулярного советника про-

тив приписываемой ему его социальной ролью поведенческой модели. Важнейшими составляющими этого бунта выступают нежелание более переписывать чужие «гадкие бумаги» и стремление стать сочинителем, творцом новой «реальности» своей собственной жизни, которое и воплощается в написании «Записок».

Неожиданные — поэтические — грани образов чиновников у Гоголя и Одоевского показывают и общность взглядов писателей на мир, и сходство их поэтики, проявляющееся, в частности, в том, что в художественном мире произведений о чиновниках важное место занимает фантастика. Причем читатель должен или признать «реальность» всех фантастических событий, или же прийти к выводу о гениальности, заложенной в душах даже таких мелких (и в чем-то мелочных) чиновников, как Поприщин и Севастьяныч. Гениальности, граничащей или даже прямо связанной с безумием. Это, в свою очередь, также роднит чиновников с художниками — героями романтических произведений.

Источники

1. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. Т. 3 / Н. В. Гоголь. — Москва : Наука, 2009 — 1016 с.
2. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки / В. Ф. Одоевский. — Москва : Эксмо, 2007. — 640 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — В книге : Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 томах / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6. — С. 6—300.
2. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений и писем : в 13 томах / В. Г. Белинский. — Москва : Изд. АН СССР, 1956. — Т. 12. — 596 с.
3. *Бочаров С. Г.* О художественных мирах / С. Г. Бочаров. — Москва : Советская Россия, 1985. — 296 с.
4. *Бочаров С. Г.* Комментарии / С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем : в 23 томах. — Москва : Наука, 2009. — Т. 3. — С. 461—984.
5. *Виноградов И. А.* «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16, № 4. — С. 29—114. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.5521.
6. *Есаулов И. А.* Родное и вселенское в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: Парафразистический контекст понимания / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 175—210. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322.
7. *Есаулов И. А.* О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — № 10. — С. 25—30. — DOI: 10.15393/j9.art.2012.336.
8. *Есаулов И. А.* «Маленький человек» Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью / И. А. Есаулов, Ю. Н. Сытина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2020. — Т. 21, № 3. — С. 419—428.

9. *Иваницкий А. И.* Символика собаки в «Записках сумасшедшего» и ее литературные источники / А. И. Иваницкий // Н. В. Гоголь и русская литература. Девятые Гоголевские чтения : материалы докладов Международной научной конференции. — Москва : Фестпартнер, 2010. — С. 173—179.
10. *Комарович В. Л.* Комментарии / В. Л. Комарович // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 3. — Москва : Изд-во АН СССР, 1937—1952. — С. 635—723.
11. *Кривонос В. Ш.* Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя / В. Ш. Кривонос // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2015. — Т. 74, № 5. — С. 45—50.
12. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. — Москва : Просвещение, 1988. — 352 с.
13. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. — Москва : Coda, 1996. — 474 с.
14. *Маркович В. М.* Петербургские повести Н. В. Гоголя / В. М. Маркович. — Ленинград : Художественная литература, 1989. — 208 с.
15. *Матонин В. Н.* Предчувствие антропологической катастрофы в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя / В. Н. Матонин, Н. Н. Бедина, Е. Н. Егорова // Знание. Понимание. Умение. — 2018. — № 1. — С. 208—215. — DOI: 10.17805/zpu.2018.1.17.
16. *Назирова Р. Г.* О месте В. Ф. Одоевского в русской литературе / Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2017. — № 4 (18). — С. 12—54.
17. *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель : т. 1. Ч. 2 / П. Н. Сакулин. — Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. — 479 с.
18. *Сытина Ю. Н.* В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского / Ю. Н. Сытина // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19, № 1. — С. 173—193. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862.
19. *Сытина Ю. Н.* Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов / Ю. Н. Сытина. — Москва : Индрик, 2019. — 392 с.
20. *Тургенев И. С.* Полн. собр. писем : в 18 т. Т. 1 / И. С. Тургенев. — Москва : Наука, 1982. — 608 с.
21. *Турьян М. А.* Об эпиграфе к «Бедным людям» : модификации рефлектирующего / «разорванного» сознания / М. А. Турьян // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1997. — Т. 14. — С. 88—95.

UNEXPECTED FACETS OF IMAGES OF OFFICIALS BY N. V. GOGOL AND V. F. ODOEVSKY¹

© **Yuliya N. Sytina (2021)**, orcid.org/0000-0001-6334-4722, ResearcherID F-1769-2019, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Region State University (Moscow, Russia), yulyasytina@yandex.ru.

1 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 20-78-00064).

The issues on the multifaceted images of officials in the Russian literature of the 1830-1840s are considered. The results of a comparative analysis of the works of N. V. Gogol and V. F. Odoevsky are presented. Particular attention is paid to Poprishchin from the "Diary of a Madman" and the order Sevastyanich from "The Tale of a Dead Body Who Belongs to No One". The author draws attention to the fact that the heroes go beyond the behavioral model, as if attributed to them by their social role. It is shown that poetry does not disappear from their existence; officials are capable of creativity and creation of their own works. The irreducibility of the images of officials is proved only to illustrate social reality, the striving for their individualization, drawing a rich inner world is emphasized. The novelty of the research is seen in the fact that unexpected facets of the images of officials in Gogol and Odoevsky are revealed in their relationship. The commonality of the writers' worldviews and the similarity of their poet-ics are shown, which is manifested, in particular, in the fact that science fiction occupies an important place in the artistic world of works about officials.

Key words: N. V. Gogol; V. F. Odoevsky; the image of an official; creation; fantasy; interpretation; literary roll calls.

MATERIAL RESOURCES

- Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moskva: Nauka. 23/3. 1016 p. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. (2007). *Russkie nochi: Roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian Nights: A Novel. Stories. Stories. Fairy tales]. Moskva: Eksmo. 640 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (2002) Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 7/6: 6—300. (In Russ.).
- Belinskiy, V. G. (1956). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moskva: Izd. AN SSSR. 596 p. (In Russ.).
- Bocharov, S. G. (1985). *O khudozhestvennykh mirakh* [About art worlds]. Moskva: Sov. Rossiya. 296 p. (In Russ.).
- Bocharov, S. G., Deryugina, L. V. (2009). Kommentarii [Comments]. In: *N. V. Gogol. Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moskva: Nauka. 23/3: 461—984. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2012) O kokroevnom smysle «Stantsionnogo smotritelya» A. S. Pushkina [On the sacred meaning of "Station master" by Alexander Pushkin]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics], 10: 25—30. DOI: 10.15393/j9.art.2012.336. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2020). Rodnoe i vselenskoe v «Mertvykh dushakh» N. V. Gogolya: Parafra- ticheskiy kontekst ponimaniya [The native and the universal in the "Dead souls" by N. V. Gogol: a paraphrastic context of understanding]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 18 (1): 175—210. DOI: 10.15393/ j9.art.2020.7322. (In Russ.).
- Esaulov, I. A., Sytina, Yu. N. (2020). «Malenkiy chelovek» Dostoevskogo v istoriko-literaturnoy perspektive: mezhdru «veshchyu» i lichnostyyu [Dostoevsky's "Little Man" in a Historical and Literary Perspective: Between a "Thing" and a Personality]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 21 (3): 419—428. (In Russ.).

- Ivanitskiy, A. I. (2010). Simvolika sobaki v “Zapiskakh sumasshedshego” i eyo literaturnyye istochniki [Symbols of the dog in the “Notes of a Madman” and its literary sources]. In: *N. V. Gogol i russkaya literatura* [N. V. Gogol and Russian literature]. Moskva: Festpartner. 173—179. (In Russ.).
- Komarovich, V. L. (1937—1952). Kommentarii [Comments]. In: *Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy* [N. V. Gogol. Full composition of writings]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 14/3: 635—723. (In Russ.).
- Krivosos, V. Sh. (2015). Grotesknaya realnost’ i narrativnyy grotesk v «Zapiskakh sumasshedshego» Gogolya [The grotesque reality and narrative grotesque in Gogol’s «Diary of a madman»]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka* [Bulletin of the Russian academy of sciences. Studies in literature and language], 74 (5): 45—50. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol* [At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moskva: Prosvetshchenie. 352 p. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1996). *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Poetics of Gogol. Variations to the theme]. Moskva: Coda. 474 p. (In Russ.).
- Markovich, V. M. (1989). *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [St. Petersburg Tales of N. V. Gogol]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 208 p. (In Russ.).
- Matonin, V. N., Bedina, N. N., Egorova, E. N. (2018). Predchuvstvie antropologicheskoy katastrofy v «Zapiskakh sumasshedshego» N. V. Gogolya [The apprehension of an anthropological catastrophe in “Diary of a madman” by N. V. Gogol]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1: 208—215. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.17. (In Russ.).
- Nazirov, R. G. (2017). O meste V. F. Odoevskogo v russkoy literature [On the place of V. F. Odoevsky in Russian literature]. *Nazirovskiy arkhiv* [Nazirovsky archive], 4 (18): 12—54. (In Russ.).
- Sakulin, P. N. (1913). *Iz istorii russkogo idealizma. Kn. V. F. Odoevskiy. Myslitel. — Pisatel* [From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker. — Writer]. Moskva: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh. 1 (2): 479 p. (In Russ.).
- Sytina, Yu. N. (2019). *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo v periodike 1830-kh godov* [Works of Prince V. F. Odoevsky in the periodicals of the 1830s]. Moskva: Indrik. 392 p. (In Russ.).
- Sytina, Yu. N. (2021). V poiskakh «polozhitelno prekrasnogo» geroya: knyaz’ Myshkin F. M. Dostoevskogo i Segeliel V. F. Odoevskogo [Works of Prince V. F. Odoevsky in the periodicals of the 1830s]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 19 (1): 173—193. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862. (In Russ.).
- Turgenev, I. S. (1982). *Polnoe sobranie pisem* [Complete collection of letters]. Moskva: Nauka. 18/1. 608 p. (In Russ.).
- Turyan, M. A. (1997). Ob epigrafe k «Bednym lyudyam»: Modifikatsii reflektiruyushchego / «razorvannogo» soznaniya [About the epigraph to “Poor people”: Modifications of the reflective / “torn” consciousness]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Leningrad: Nauka. 14: 88—95. (In Russ.).
- Vinogradov, I. A. (2018). «Ogorchennyye lyudi» v tvorchestve N. V. Gogolya [“Afflicted people” in the works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 16 (4): 29—114. DOI: 10.15393/j9.art.2018.5521. (In Russ.).